

Стреляный воробей

*Посвящается
всем моим друзьям-сноубордистам.
И всем моим друзьям, у которых есть дети*

Сегодня десятое декабря, и я вновь отправляюсь на передовую.

Сын уже собрался, карман куртки оттягивают ключи от гаража. Он никогда до конца не завязывает шнурки, они волочатся за ботинками, как усы за откормленными сомками. Эти ботинки и правда похожи на рыбы морды.

Я заглядываю сынишке в глаза, пытаюсь разглядеть там ответ на свои незадаанные и несформулированные

вопросы. Он там есть – яркий, как детская раскраска. Глаза большие и испуганные, но собрался он быстро и безо всяких капризов.

Наклоняюсь и завязываю ему шнурки.

Не сговариваясь, крадучись проходим мимо кухни, где моя сестра и Денискина тётя сидит с книгой в руках. Мы оба её боимся. В наше время мужчины, боящиеся женщины, уже не вызывают порицания и какого-то общественного резонанса. У каждого на языке множество примеров, таких же жалких, как мы.

– Ты его убьёшь, – говорит она и откладывает книгу. Поражённый её прямоотой, я выталкиваю сынишку за дверь.

– Он ведь только оправился, – продолжает она. Слово хорошо подготовленный легионер, она метает в меня один словесный дротик за другим.

– Ну Наташ. Он этого хочет.

– Он хочет, потому что ты этого хочешь. Ты его отец. На тебе особая ответственность.

Ответственность – вот слово, которое характеризует Наташу. В карманах у неё всегда есть одноразовые носовые платки. А в карманах домашнего халата – бинт. В сумочке всегда найдутся запасные чулки.

Я закрываю за собой дверь.

– Тётя Наташа расстроилась, – говорит Денис. На руках у него большие варежки, и мне кажется, что под этими варежками руки сжаты в кулачки.

– Тётя Наташа за тебя волнуется, – отвечаю я, толкая его перед собой, как тележку в супермаркете. Мне хочется оказаться подальше от этой двери, дырявой от дровиков-взглядов. Конечно же, она не выскочит следом, не будет ругаться и клясть меня на чём свет стоит. Честно говоря, я был потрясён её прямоотой до глубины души. Обычно она действует другими методами. Мы вернёмся,

и на ужин нас будет ждать что-то подгорелое, приготовленное без ответственности, окольными путями наводящее меня на мысль, что я сущее дерьмо. Ната пишет книги о воспитании детей, и она знает, как усложнить жизнь их нерадивым отцам.

Как настоящая террористка.

Дениска терпеть не может ссор. Тем не менее конфронтации в нашей семье имеют место постоянно, и его сварометр всегда настроен на нужную частоту, он выдаёт тревожный сигнал задолго до того, как я начинаю что-то чувствовать через свою толстую носорожью шкуру.

Мы отпираем гараж, и я выдаю моему маленькому воину его оружие. Он принимает его настороженно, вспоминая своё недавнее ранение. Снимает перчатки, пальцы пробегают по кантам, проверяя, не слишком ли они затупились.

– Отлично, пап! – говорит он мне.

– В чехле ведь хранилось, – говорю я и продолжаю бормотать что-то успокоительное про прекрасную погоду и вспоминать вслух, куда же я дел отвёртку. Постоянно говорить – мой способ эмоциональной разрядки. Когда-то я пересказывал Денису начальный курс органической химии, и он засыпал у меня на руках.

– Не смей ничего ему петь, – говорила мне жена. – У тебя слишком дрожит голос.

Всё верно. Я слишком боялся своего отцовства. Да и сейчас боюсь, кажется, так же, хотя обстоятельства изменились не в лучшую сторону.

Достаю с полки крепления, высыпаю в ладонь сыну болты с шайбами. Наконец находится отвёртка, и мы прикручиваем куда нужно крепления, выверяем угол и спорим:

– Кажется, было по двадцать.

– Ты упал, пап? По двадцать я буду похож на краба из «Губки Боба». Было по пятнадцать.

– Да, ты прав... двадцать – это режим в стиральной машине. Переднее у тебя было пятнадцать. А заднее чуть поменьше.

Морщит лоб так, что шапка съезжает на глаза.

– Заднее, наверное, десять.

– Ставим десять, и я возьму с собой отвёртку, чтобы можно было переставить. Договорились?

– Только не как в прошлый раз. Помнишь, когда ты её потерял, а потом кто-то приделал её вместо носа у снеговика.

Мы переглянулись и засмеялись.

– Не потеряем, – пообещал я. – На этот раз я положу её в рюкзак.

Выгоняю машину, бросаем на заднее сидение сноуборд с прикрученными креплениями и термос с чаем. Дениска садится рядом со мной, шлем он держит на коленях – так бережно, словно юный палеонтолог – голову доисторического человека из музея.

Погода сегодня такая, какая нужно. Всю неделю шёл снег, а в субботу взял себе отпуск, и под убийственно-яркое солнце выползли, словно большие насекомые, оранжевые машины коммунальных служб с оранжевыми человечками в брюхе. Мы стоим на перекрёстке и ждём, пока проедет вереница грузовиков со снегом.

– Повезли на дачи олигархам.

– Каким олигархам?

– С большими холодильниками.

Мы провожаем глазами последний грузовик. Кажется, он везёт целый Эверест. Снег вчерашний – чистый и нетронутый городскими выхлопами. Как сахарная вата.

– Смотри, сколько счастья! А летом олигарховы дети открывают дверь холодильника и идут гулять по снегу.

Может, им завозят туда снегирей и пингвинов, лыжную базу и сосны. Сам бы с удовольствием купил, да ведь всю комнату займёт. И придётся срезать там батареи...

Я гляжу на сына поверх тёмных очков. Он улыбается:
– Папа. Ты опять говоришь ерунду.

Я рад, что мне удалось немного отвлечь его от воспоминаний. Следы несчастного случая в конце прошлой зимы ещё не сгладились до конца. Правую руку он теперь не выпрямляет полностью, всегда держит чуть согнутой в локте. Может, положив кисть на колени или просто держа её перед собой, подолгу наблюдать за движениями мизинца. Вправо-влево, влево-вправо... Именно мизинец подал в отставку после последней операции на локтевом суставе и вернулся на пост только сравнительно недавно – три месяца назад, когда все остальные кости давно уже срослись, а мышцы функционировали.

На Дениске красная с синим курточка, штаны со множеством застёжек и ремешков. Я вспомнил, с каким удовольствием он влезал в них сегодня. Возможно, решение не бросать сноуборд обусловлено всего лишь возможностью носить эти штаны с отделением под перчатки, магнитную карточку и маску, со множеством различных утяжек и смешно звенящим карабином для ключей. За такие штаны можно продать душу.

Вот, наконец, склон. Не чета серьёзным горнолыжкам – всего один подъёмник, никаких тебе снежных пушек и специализированной техники. Детская горка. Здесь ровно, там ухабы, справа отрабатывают прыжки с трамплинов, слева крикливая шантрапа катается на досках по перилам. Это называется джиббинг, и я честно надеюсь, что мой сын до этого ужаса никогда не дорастёт. Зато на самый верх можно было заехать по объездной дороге прямо на машине, что мы и сделали. Подъёмник ещё не включили, но народу уже много.

– Ну вот мы и здесь, – сказал я.

Денис не ответил. Я видел только его затылок в блестящем шлеме и выглядывающей из-под него невзрачной серой шапке и мог лишь догадываться, с ужасом он смотрит на спуск или с восторгом.

Он молчал. Я молчал. Строил из неуклюжих слов, будто из конструктора лего, следующую фразу. Когда я уже собрался её произнести, Денис уселся на снег и стал надевать доску.

– Ты не наигрался в свои игрушки в детстве и теперь пытаешься это компенсировать опытом Дениса, – сказала однажды Наташа.

Строить умозаключения на основе моих отношений с сыном и женщинами – её хобби. Ей, видимо, собственные изречения кажутся довольно остроумными. Больше всего я, пожалуй, боюсь найти их в очередной Наташиной книге. Очень неприятно, когда тебя раскладывают на столе и препарируют ножом попсовой психологии для домохозяек. Я имею в виду, она, конечно же, не будет указывать фамилий, но я-то буду знать, что мы с Денисом стали героями целой главы. На полный том нас не хватит, но на главу – запросто.

Скрипом ластика по тетрадке моих мрачных мыслей звучит свист. Самый натуральный разбойничий свист, который я когда-либо слышал. Я не могу найти ему равных уже пятнадцать лет – столько я знаком с его хозяином.

– Эй, Семёныч! Как там твоя печень? – жизнерадостно спрашивает меня крупный мужчина.

Мы жмём руки; я смотрю в постаревшее ещё на полгода красное лицо.

– Тебя интересует та часть, что досталась собакам, или та, что ещё во мне?

– Я же взаправду спрашиваю, – Пётр тускнеет. Все изменения цвета его лица ограничены красным градиентом.

– Ладно-ладно, извини. А как твоя? – миролюбиво интересуюсь я.

– Спасибо, ничего, – отвечает он.

Пётр работает на местной лыжной базе инструктором. Мы познакомились, когда он только устроился сюда работать, а я, купив горные лыжи и расставив по карманам энтузиазм, пришёл учиться. Если подумать, это один из самых старых моих знакомых, отношения с которым практически не изменились за прошедшие годы, – уникальный случай. Он как был приятелем, с которым пересекаемся только на склоне, а в остальное время почти не поддерживаем связь, так им и остался.

Впрочем, нет. У нас завязывалась дружба, основанная на взаимных подколках и полушутливых перепалках – очень редкая её разновидность, которая нередко оказывается крепче любой другой. Петя отлично катался, обладал моим чувством юмора и природой отвязного раздолбая, которая обеспечивала нам весёлые вечера на лыжной базе в компании его и моих друзей. Все мы быстро сдружились: две компании, объединённые темнотой в глухом лесном массиве и общим занятием – катанием на лыжах и санках.

А потом я заболел, и мне пришлось уйти. Молодая кровь была тогда фонтаном, да и алкоголь на столе имелся всегда. Но к моему циррозу он не имеет никакого отношения. Это хроническое. Наш с Наташей дед умер именно от поражения печени, и я, видно, был на очереди. Хворь распознали на ранней стадии, и почти четыре года я не выбирался из больниц. Печень стачивалась, как карандаш, и в конце концов от неё остался огрызок.

Конечно, лыжи пришлось забросить. Компании тоже. Тогда я был в таком настроении, что стоило мне где-нибудь появиться, как это место сразу же становилось

непригодным для жизни. Уверен, оттуда бежали даже тараканы.

Так вот я и прекратил общаться – вообще со всеми. И с зимними видами спорта в том числе. Скоро мы ненадолго сошлись с моей женой, с которой я познакомился в больнице, в терапевтическом отделении. На двоих у нас была одна печень, и если её можно было сложить и разделить вновь, то ребёнок, который у нас получился, целиком достался мне. Марина занималась бегом, и бегом она проследовала через мою жизнь, то спасаясь от одиночества, а то – от моего скверного характера. Точно так же легко она оставила Дениса.

Странно, но жертвой стремления женщины к независимости и свободе часто становятся самые глубинные инстинкты вроде материнского чувства. Поди разберись, чей удел теперь править миром, а чей – растить детей.

Как бы то ни было, Денис стал той панацеей, волшебной пилюлей, которая призвана была вернуть меня к жизни. И ему это удалось.

И вот сейчас Пётр стоял передо мной, краснолицый, широкогрудый, с мощными ляжками и одышкой. В неизменных лыжных ботинках – собственно, без них я его видел всего несколько раз, когда он приходил навестить меня в больницу. Он обзавёлся усиками и оранжевой формой инструктора. В наше с ним время уделом тренера был обычный лыжный костюм.

Петя поглядывает на Дениску, осторожно вставшего на ноги и медленно съезжающего на заднем канте вниз по склону, и спрашивает:

– Как малец? Оправился?

Я качаю головой. Я сам ещё точно не знаю. Рука срослась, но рука только полдела.

В своё время Пётр был очень рад меня видеть здесь вместе с сыном и даже взялся его тренировать, хотя доска – не его стихия.

– Какая разница, – сказал он тогда, – одна доска или две?
И тут же спросил:

– А почему вдруг борд? Лыжи... благороднее, что ли.
Я без запинки ответил:

– Сейчас это модно. У всех есть доска. Вон, смотри, сколько их катается!

Он понял. Не стал формулировать такими изящными фразами, как сестра, но обнял меня за плечи и сказал:

– Я его поучу. Через пару лет все эти сопляки будут ломать себе кости, чтобы сделать так же красиво, как твой малец.

– Не надо ломать кости. Пусть просто ходят к нему за советом.

Когда Денис разбился, влетев в опору подъёмника, именно Пётр поднял его на руках наверх. Я лишь суетился вокруг и дрожащим голосом пытался объяснить диспетчеру скорой, на какую конкретно лыжную базу им нужно ехать.

Разговариваем ни о чём. Прибежал Дениска, держа под мышкой доску:

– Здравствуйте, дядь Петя!

– Привет-привет. Ты что же, ездить разучился? Ползаешь, как будто тебя отвязать забыли.

Денис потупился:

– Я привыкаю.

Пётр читает лекцию, употребляя слова «кочерга», «солнышко», «пидорить снег» и «оба, мать их, канта», Денис покорно кивает. Они похожи на боксёра и тренера в перерывах между таймами.

– Петя, – говорю я мягко. – Он только после травмы. Ему привыкнуть надо!

Петя морщится, взмахом руки отсылает Дениса. Бурчит:

– Ладно уж.

Это походило на сход лавины, настолько было внезапно. Год назад я купил Дениске доску и помогал ему

осваивать первые движения, подглядывая за другими начинающими, бегая по склону туда и сюда и спрашивая у всех подряд совета.

А к концу сезона он гонял уже так, что даже в моих венах замирала кровь. И от страха, и от восторга. Он начинал спуск, а я, сложив ладони у рта рупором, кричал:

– Побереги-ись! Мой сын едет!

Дениска приезжал обратно на подъёмнике, взмокший и совершенно счастливый, и набрасывался на меня с кулачками:

– Ты не мог бы ничего не кричать? Мне стыдно перед вон теми дяденьками. Они катаются хуже меня, но им никто ничего не кричит.

– Так я поэтому и кричу. Ты же как маленькая красная молния в чёрном шлеме.

– Это глупо, – сурово отвечал Денис. – Я объеду кого угодно. Не нужно ничего кричать.

Но я тоже был совершенно счастлив. И, естественно, кричал в следующий раз ещё громче – так, что на место пропавших из гортани звуков со свистом устремлялся холодный воздух, и крик мой завершился кашлем.

Когда Дениса выписали из больницы, мы с ним решили, что сноуборд он не бросит. А потом Наташа сказала мне:

– Ты не оставил ему выбора.

– Почему это? – возмутился я. – Я предлагал продать комплект. Он отказался.

– Дело не в том, спрашивал ты или нет.

– А в чём же тогда?

В разговоре с сестрой мне часто не хватало терпения. Она же как ледокол – движется вперёд с одной и той же скоростью, взламывая гремящие льды моих нападок.

– Дослушай. В том, как ты это спрашивал. Ты говорил: «Может быть, нам сплавить твою доску какому-нибудь храбрецу, а, приятель? Я не буду говорить, что с тобой на

ней случилось. Может быть, у него получится лучше. Хочешь, чтобы на твоей доске катался кто-нибудь другой?»

Я скрёб лысину. Я не помнил, присутствовала ли сестра при этом разговоре, но да, именно так я и говорил. Примерно так.

– Ты его отец. И от того, на чьей ты стороне, зависит очень многое. В тот раз ты был на своей стороне. А он твой сын. Ещё ребёнок. Он всё сделал как должен был – подчинился твоему решению.

А потом она сказала кое-что, что я запомнил надолго:

– Твой сын в разы серьёзнее тебя. Поменять бы вас местами и хорошенько бы тебя отшлёпать.

Чёрт бы её побрал с её проклятыми книжками.

На исходе второго часа истекает и моё терпение.

– Ну что ты плетёшься, как черепаха? – ору я в спину, когда он в который раз аккуратно нарезает снег на мелкие ломтики кантами.

Денис просто устал. Он взбирается на склон, упрямо наклонив вперёд голову, словно горный козёл. Когда он подходит, я чувствую запах пота. Взмокло у него даже лицо.

– Поехали домой, а то простудишься.

Кивает.

Дорогой я засылаю к Денису разведотряд.

– Очень сложно, – отвечает он. – Как будто заново учиться. Хотя ноги всё помнят. Дядя Петя ругался.

– Ты молодец, – говорю я, распечатывая жвачку. Может, получится вмять в неё мои нервы. Отчего-то я вымотан не меньше сына. – Встал на доску после травмы. Как настоящий спортсмен. Как Кевин Пирс. Ты знаешь, он несколько лет лежал в коме, и...

– Кевин Пирс снова катает?

Денис встаёт коленями на сиденье. До дома нам ехать недалеко, полицейских по дороге нет, поэтому я посадил его рядом с собой.

– Да. У него была травма...

– Я знаю. Ты рассказывал. Вот здо-орово. Мы с ним, значит, вместе. Как Хаус и Уилсон. Как Чип и Дейл.

Я давлюсь жвачкой и едва не пропускаю красный сигнал светофора.

Следующую вылазку предпринимаем через три дня, в конце недели. И опять, как и в прошлый раз, я не могу понять, нравится ему или нет. Во мне просыпается страстный болельщик, и я немного больше кричу, то подбадривая сына, то науськивая его на свежевыпавший снег, как пса на тренировочный манекен.

Толку никакого. У Петра сегодня выходной, так что успокоить мои расстроенные чувства некому. Я несколько раз глубоко вздыхаю, вспоминаю голос сестры. Просто голос, не привязывая его ни к каким нравоучительным высказываниям. В голове я заставляю петь его похабную песенку.

– Мы уходим, – говорю я сыну. – Оставь сноуборд прямо здесь.

– Зачем? – не понимает Денис.

– У тебя не получается. Ты не хочешь. Может, у того, кто заберёт эту доску себе, будет желания побольше. А ты займёшься чем-нибудь другим. Например, шахматами. Или рисованием комиксов.

Я отбираю у него борд и выкидываю его в сугроб. Разворачиваюсь и шагаю к машине. Мне кажется, я сделал всё правильно и очень взвешенно, но в боку просыпается ноющая боль. Так внезапно может начать болеть только пустое место, заполненная кровью полость. Такие боли преследовали меня во время моих конфликтов с миром десять лет назад.

Я загружаюсь в машину. Тихий, как тень, Денис открывает заднюю дверь и пристраивает на пол доску. Сам ползает на сиденье. Лицо окутано паром от сочетания слёз и морозца, но сам не издаёт ни звука.

– Прости. Я не хотел на тебя срываться, – говорю я.

«Такое впечатление, будто тебе вырезали мозги», – сказал бы Пётр.

В следующий раз мы приходим сюда почти неделю спустя, вечером, когда я заканчиваю работу. Склон освещён несколькими прожекторами, дающими оранжевый свет, отчего он похож на танцплощадку начала девяностых. Никого нет, только несколько подростков восседают на своих досках и передают друг другу коробку с вином. Они напоминают тропических попугаев, каким-то невероятным образом очутившихся в русской зиме.

Одного из них я знаю. Кличка у него Кальмар, он подходил к нам знакомиться в прошлом году. Этот парень мне сразу не понравился. Несмотря на то что стоит на доске, как Бог.

Он и правда похож на кальмара. Вялый, с глазами потомственного наркомана, в которых плещется странная смесь спокойствия и безумия. С бесцветными, в меру длинными волосами, которые неизменно пристают к уголкам его рта.

Он видит нас и машет рукой, предлагая подойти, но я веду Дениса в другую часть склона. Кто-то свистит. Вино ходит по кругу, капли на снегу напоминают кровь.

– Это же Кальмар, – оживляется Дениска. Машет в ответ.

После знакомства с Кальмаром мой сын долго выбирал себе звучную кличку, стал носить шапку так, чтобы она едва закрывала уши, и обзавёлся парочкой идиотских жестов. К счастью, сейчас всё это позабылось.

В этой части склона небольшой трамплин, на котором Денис в прошлом году освоился буквально за неделю. Теперь же он подходит к нему с осторожностью, будто наездник к лошади, которая сбросила его на землю. Смотрит на меня, и я одобрительно киваю:

– Хочешь? Давай, у тебя замечательно получалось в прошлом году.

Лицо его светлеет, я в своём воображении уже беседую с сестрой о том, как важно иногда так вот словесно погладить сына по голове, но тут замечаю, как к нам подходит Кальмар.

– Привет! – кричит ему Денис.

– Привет, воробышек. Ну как, ещё не раздумал стать профи?

Дениска застенчиво жмёт плечами. Садится на снег и быстро, в четыре движения застёгивает крепления. Я с горечью отмечаю, что одно панибратское выражение из уст кумира явно оказывает влияние большее, чем все мои направляющие пинки.

– До Олимпиады ещё пара лет. Как раз успеваешь подать заявку, – говорит Кальмар.

Что-то в облике Кальмара меня настораживает. Дурацкая шапка, общая помятость и синяки под глазами – всё как всегда... Вот оно! Валенки на ногах никак не вписываются в общую картину.

– Это твои новые ботинки? – спрашиваю я. – Креативно. Кто это придумал? Форум? Или Бёртон?

Кальмар демонстрирует жёлтые зубы:

– Я сегодня не катаю. Так что у твоего воробышка есть все шансы меня нагнать.

– Он ломал руку, – сказал я. – Всего полгода назад. Сложный перелом.

Говоря «сложный перелом», я имел в виду не только тяжесть самого перелома, но и совокупность последствий. Кирпич, в который они срослись, я разбивал головой, и для меня он был действительно сложный.

– Ух ты! Так наш воробышек теперь стреляный воробей! – восхитился Кальмар. – И что? Снова встал на борд? Так быстро!

Мы наблюдаем, как Дениска медленно съезжает на заднем канте почти до самого трамплина. До последнего я думаю, что он просто не сможет набрать скорость. Но в последний момент Денис ставит борд по ходу склона и подпрыгивает на кочке, ловко подтягивая колени почти к подбородку. В шлеме вспыхивает блик от фонаря. В голове у сына явно имеется тетрадный лист с нужными расчётами, называемый опытом.

– Он стал бояться. Ездит очень осторожно.

Кальмар шмыгает носом, задумчиво наблюдая за мальчиком.

– Может быть, так и нужно, – продолжаю я. – Пусть себе ездит потихоньку.

– Так и нужно, – подтверждает Кальмар и невразумительно машет рукой в варежке. – Для воробышка это перестало быть игрой. Это экстремальный спорт, мужик. И главное слово здесь...

– Экстремальный? Да, понимаю...

– Спорт. Нужно уметь срывать конечности и быть готовым оказаться как можно скорее снова на доске. Нужно уметь бояться потерять квалификацию. Навык. И допускать возможность, что однажды ты сломаешь себе шею.

Пока я осмысливаю его слова, он прибавляет:

– Я сегодня пьян, мужик, вот почему я без доски. Те лакаботы думают, что сноуборд особенно хорош под винишко. Никак не вобью им в голову, что если они хотят развлечься, пускай оставляют доску дома и приходят сюда с санками. Никогда не позволяй своему воробышку пить на склоне. Договорились?

Кальмар хлопает меня по плечу и неверной походкой идёт прочь. Валенки на его ногах больше не кажутся такой уж нелепицей. Уже отойдя на порядочное расстояние, он оборачивается и кричит:

– Пройдёт время, и он будет гонять не хуже, чем в прошлом году. Не выпуская из головы ту боль. Это ведь на самом деле больно, мужик.

– Но необходимо, – бормочу я себе под нос. Я опускаюсь на корточки и жду, пока поднимется Денис.

– А где Пашка?.. Видел, как я прыгнул?

Точно... а я и забыл, что Кальмара зовут Пашей.

– Слушай, – говорю я. Наши с ним глаза на одном уровне. – Я действительно не буду против, если ты забросишь сноуборд. Это ведь очень опасно. Я буду гордиться, если ты будешь участвовать в каких-нибудь соревнованиях и победишь, но я буду тобой гордиться ещё больше, если ты сейчас скажешь мне правду – хочешь ты кататься или делаешь это, просто чтобы я тебя не ругал.

Денис замирает. Нижняя губа его подрагивает, словно демонстрируя растерянность, но я вижу по глазам, что ответ у него давно уже готов.

– Если я вдруг что-нибудь ещё себе сломаю... – он долго переводит дыхание, словно раздумывая, закончить ему фразу или нет. Но всё-таки заканчивает: – Я хочу, чтобы моё имя тоже писали на досках. «За Дениса Сухова». Вот будет круто, да?

Услышь всё это Наташа, она нашла бы что сказать. Например, что таким образом я переложил ответственность на сына. «Он же ещё маленький, – сказала бы она. – Как он может решать?» Но Денис гораздо серьёзнее меня, в этом я с ней согласен.

Заблудившиеся

Незаметная черта, за которой кончаются возделываемые человеком земли и вступает в права лес, осталась позади. Тропка прикрылась листьями, молодая поросль

цеплялась за отвороты одежды, лезла в карманы. Максим, светловолосый мальчуган лет одиннадцати, выломал прут и отсекал с встречных кустов торчащие во все стороны листья. Девочка, идущая следом, увернулась от взлетевшего прута и чуть не уткнулась носом в клубок колючих кустов.

– Максимчик, прекрати! Ещё в глаз ткнёшь! Если не себе, то мне – точно.

Максим показал язык:

– Ты мне не мама, Ёлка.

– Я старше, – возразила девочка.

– Подумаешь, на год, – привычно-уныло возразил Максим.

Дети только вырвались из цепких лап бабки, которая перехватила их сразу у пикапа и не отпускала добрых два часа, если не больше.

Если оглянуться, ещё была видна деревня, где они не задержались, а сразу вышли на околицу. Только здесь густой дух леса окончательно выбил из одежды запах машины и городских улиц.

– Эй, вы двое! – хрипло закричали за спиной. – Что вы тут делаете?

Дети вздрогнули, Максим втянул голову в плечи, как будто его застали за швырянием снежками в окна, но тут же расслабился, увидев спешащего к ним от деревни мальчишку:

– А, привет, Дик.

Дик – единственный ровесник, встретившийся в деревне. Йола скривилась, глядя на запатанную куртку и торчащие карманы, однако мальчуган оказался не по годам серьёзным.

– А вы нормальные, – усмехнулся мальчик. Кажется, что он умеет улыбаться только так – искренне, но с какой-то хитрецей. – Не то что другие городские. Да и наши тоже – только и делают, что курят да пьянствуют.

Максим смотрел на нового друга с раскрытым ртом и восхищением.

Дик догнал их:

– Здесь нельзя гулять одним... и вообще гулять. Опасно.

Он был так уморительно серьёзен, что Йола не смогла сдержать улыбки.

– Это всего лишь сказки, – беспечно отмахнулся Максим. Сестра перевела насмешку на него:

– Кто бы кулером жужжал, Максимчик. У тебя коленки дрожали, когда бабушку слушал.

Дик вышагивал рядом, вертя на пальце брелок в виде перочинного ножика, и рассеянно вслушивался в спор. Ребята углубились в чащу, деревня скрылась за густой зеленью.

– Она говорила так страшно, подвывала, как в том фильме про мертвецов, – начал было оправдываться брат, но увидел, что улыбка Йола стала шире, и огрызнулся: – Ты сама, Ёлка, с открытым ртом сидела.

Йола собралась что-то возразить, но поймала встревоженный взгляд Дика и повернулась к брату спиной:

– Так все эти сказки правда?

Мальчишка пожал плечами:

– Может, и нет. Я сам здесь часто гуляю. Но мама говорит, мы здесь все свои. А вот чужих лес не любит. Десять лет назад сюда браконьеры приезжали.

– Зверей стрелять – это подло, – дёрнула щекой Йола.

– Только никого они не убили, – сказал Дик. – На следующий же день умотали обратно – как были, в мокрых штанах. Деревня потом неделю воняла.

Йола состроила гримаску, Максим захихикал, Дик помахал сложенным ножиком:

– А у одного вообще крыша поехала. Его так здесь и бросили, до сих пор где-то шатается.

Смех оборвался. Йола и Максим переглянулись. Девочка вспомнила пыльную дорогу, линияющую кочковатую ленту где-то между шумной автострадой и безмятежной сельской глубинкой. Родители пошли узнавать дорогу, дети в пикапе остались один на один с жарой и полупустой бутылкой минералки. Внезапно Йола вскрикнула. Максим подавился насмешкой, во все глаза уставившись на нечто, отдалённо напоминающее человеческое лицо: на прижатой к стеклу щеке выделялись синюшные вены, зрачки в блеклых глазах плавали свободно, как листья в грязной осенней луже. Потом это исчезло и появилось со стороны Максима, зашлёпало по стеклу ладонями, губы что-то шептали бессвязно и жутко.

Когда вернулись мама с папой, нечто уже скрылось в паутине лесных тропинок, а дети всё ещё старались унять предательски стучащие зубы.

– А кого они там встретили? – спросил с любопытством Максим. – Медведя, что ли?

Дик снисходительно на него глянул, прокашлялся:

– Ну да, белого. Прямиком с Северного полюса. Вам что, не рассказывали?

Йола выпятила губу:

– Ну... бабушка говорила, что лес проклят и что сюда ни ногой. Но она такая древняя, не знает даже, что такое компьютер! А что за проклятие?

Дик поколебался, потом махнул рукой:

– Да чепуха. Я сам в него не верю. Говорят, здесь нельзя засыпать.

– А то что? – с напряжением в голосе спросил Максим.

Сестра хихикнула, хотя самой стало немного жутковато. Слова затронули в сердцах какие-то струны, листва зашуршала под ногами резче.

– А то вылезет какая-нибудь тварь из этих твоих комиксов и...

Максим сказал насупленно:

– При чём здесь комиксы? Ты бы лучше эти свои японские мультики вспомнила. Я их, во всяком случае, не смотрю.

Сестра тут же надулась.

– Мне кажется, пора возвращаться, – сказал Дик, тревожный голос оборвал спор, словно удар топора по натянутой верёвке. Дети беспокойно огляделись.

Лес вокруг стал совсем диким, тропа расплелась, как коса, на многочисленные тропки. Ветки уже не касались ласково, а цеплялись за одежду, с корнем рвали волосы. Солнце показывалось сквозь просветы крон всё реже. Всё чаще попадались под ноги кочки и замшелые пни.

– Мы и так уже забрели слишком далеко.

Он зашагал обратно. Йола заметила:

– Тебе не кажется, что мы пришли с той стороны? Я по солнцу смотрела.

– Глупая Ёлка, солнце же тоже движется, – сказал Максим, просто чтобы что-то возразить.

Очень скоро они поняли, что заблудились. Вначале безуспешно попытались найти тропу, потом пошли в направлении, указанном Йолой, но бросили это занятие, когда на пути встали непролазные заросли ежевики. Дик даже влез на дерево, но взгляд убежал по пористому зелёному ковру до горизонта, и было не определить, в каком из просветов притаилась их деревенька. Когда просветы между кронами заполнились чернотой, а Максим стал всхлипывать, Йола уселась прямо на землю и заявила:

– Никуда я больше не пойду. Давайте отдохнём хотя бы немного.

Максим плюхнулся рядом, запахнулся в куртку – от земли потянуло холодом. Дик выудил из кармана сигарету, под неодобрительным взглядом Йола закурил. Он больше походил на затравленного волчонка – по ту сто-

рону глаз плещется страх, а кулаки беспрестанно сжимаются и разжимаются. Максим верно истолковал причину страха:

– А что будет, если здесь уснёшь?

Дик вздрогнул, дёрнул щекой, взгляд стал осмысленным.

– Ничего. Просто старые сказки. Помогите мне собрать для костра ветки.

Однако Йола заметила, что движения мальчика стали порывистыми, а зажечь спичку ему удалось только с пятой попытки.

Через десять минут мир сжался до треска костра, густого тепла и жёсткой подстилки из сухих листьев, щепок и репьев. Йола уснула сразу. Максим, убаюканный ночным стрекотом и треском веток, видел, как в широко распахнутых глазах Дика играет пламя костра, как смялась под напряжёнными пальцами сигарета.

Равнодушный утренний свет заставил разлепить веки. Подкралась сырость, защипало под рёбрами. Максим приподнялся, с одежды на холодную золу – костёр потух уже давно – скатились капельки росы. Зола и угли выглядели старыми и были совсем холодными на ощупь, как будто костёр здесь горел около недели назад.

В стороне раздался крик Йола:

– С ума сойти! Меня хоть выжимай!

– Зато теперь ты и правда на ёлку похожа, – съязвил Максим, отряхивая штаны.

Дик протирает глаза и озабоченно озирается. Максим спросил:

– С нами ничего не случилось?

– Ни фиги себе не случилось! Вот простужусь в самом начале каникул...

– Читайте, что повезло, – Дик заметно успокоился. – Осталось только найти обратную дорогу.

– Мама с папой волнуются, – задумчиво сказал Максим. – Всю деревню на ноги подняли, они умеют. Нас сейчас все ищут...

Дик покачал головой:

– Все наши до колик в животе боятся заходить вглубь леса.

– Значит, выберемся сами, – уверенно сказала Йола. – Прикинемся зомбями и... и покажем им, что значит верить старым сказкам!

Вокруг всё застыло, не колыхнулся ни один листок, ни одна травинка. Утро залило лес холодным светом, будто над землёй повесили огромную электрическую лампу. Стрелы света пробивались сквозь полог листвы, дробили лес на лоскуты. словно пока ребята спали, сменили декорации и один лес заменили другим – фарфоровым.

Тишина. Птицы здесь, наверное, имеют обыкновение спать до полудня.

Дик на свежую голову вспомнил направление, они двинулись гуськом, перебегая по мокрой земле с одного светлого пятна на другое. По сторонам из переплетений таинственных растений и паутины смотрел мрак. Ликующий крик Йола заставил вздрогнуть.

– Смотрите, следы шин!

В сыроватую землю врезался рельефный след, по сторонам примялась трава, виднелась расплюснутая шляпка гриба.

– Шипованные, – со знанием дела заметил брат.

– Недавно только проехали, – радостно сказала Йола.

– Куда проехали? – уныло спросил Дик.

Йола проследила взглядом и остолбенела. След заворачивал влево, где ощетинились иглами нетронутые кусты.

– Да он один! – добавил Максим. – Кто-то проехал на одном колесе, как в цирке?..

– Скорее, прополз, – ещё более убитым голосом сказал Дик. – Я, правда, таких больших змей не встречал...

– Ну уж нет!

Йола решительно вломилась в заросли. Курточка за-
трещала под колючками, на голом запястье появилась
алая полоса, но девочка с упрямым видом исчезла в за-
рослях.

– Йола, погоди, – сказал Максим. Но с места не сдви-
нулся.

Шорох затих. Мальчишки переглянулись, собрались
уже было окрикнуть, как закачались кусты и выскочила
покрышка, подняв тучи брызг. За ней гордо прошество-
вала девочка, отряхивая испачканные землёй руки.

– Ну, что я вам говорила?

– А где машина? – наивно поинтересовался Максим.

– Значит, катили без машины, – беспечно сказала се-
стра. – Кто-то баловался. Ну всё, идёте домой, я уже
есть хочу.

– Всё не так просто, – хрипло сказал в стороне Дик. –
Мы всё-таки попались.

Он смотрел наверх, где сквозь жидкое, почти молоч-
ного цвета небо, как цветные рыбки сквозь мутную воду,
проглядывало два солнца.

– Где это мы? – услышала Йола свой шёпот. В тишине
он прозвучал оглушительно.

Дик заговорил, не отрывая взгляда от неба:

– Говорят, в этом лесу нельзя спать, иначе попадёшь
в другое место. Все говорят – страшное, хотя мало кто
там был и ещё меньше возвращались обратно.

– Отсюда можно как-нибудь выбраться? – в голосе
Максима слышались едва сдерживаемые слёзы.

Дик опустил взгляд – с трудом, словно заржавели ка-
кие-то шестерёнки.

– Это как... вроде продолжения сна, что ли. Все по-
падают в одно место – в голову тому, кто уснул первым.
Или к нему в сон, не знаю, как правильнее. И выбраться

оттуда можно только одним способом – убить его. Тогда снова очнёмся в нормальном мире.

– А как же тот, кто умрёт? – напряжённо спросил Максим.

– Никак, – пожал плечами Дик. – Он тоже... ну как это? Оживает. Это же вроде как сон. Я, правда, во сне ни разу не умирал, не знаю.

Слова застыли в паутине между стволами. Повисла гнетущая тишина.

– А кто из нас первым уснул? – озвучил повисший в воздухе вопрос Максим.

– Я – только через три часа после вас, – сказал Дик, – держался до последнего, как на войне.

Брат с сестрой уставились друг на друга.

– Наверное, я, – голос Максима прозвучал сдавленно, как будто на шее сомкнулись невидимые руки.

Йола через силу улыбнулась:

– Спасибо, Максимчик, но нет. У меня прямо глаза слипались.

Девочка повернулась к лесу, её взгляд скользил по ровным стволам, словно водомерка по воде. Деревья вытянулись в струнку, будто гвардия перед госпожой, словно в ожидании.

Максим сказал в гулкой тишине:

– Мы найдём другой способ. Он ведь должен быть, правда, Дик? Дойдём до края леса... пусть это будет даже край мира.

Они двинулись в неизвестность, без направления – когда изнутри грызёт цель, усидеть на месте просто невозможно.

Максим ойкнул: нога утонула в широком отпечатке, наполовину заполненном водой. Повсюду были следы ног, иногда еле заметные, иногда чётко вбитые в почву.

– Это не мой сон, – сказала Йола, – точнее, не только мой. Здесь раньше... было много людей?

– Наверное, – скупо сказал Дик. – Мать и бабка много рассказывали, только я думал, это сказки. Браконьеры, до них вроде цыганский табор по окрестностям шатался... не знаю, были ли они в лесу. А в войну здесь партизаны укрывались. Говорят, они знали здешний секрет и заманивали в лес немцев. Мой отец, когда мальчишкой был, даже автомат нашёл. Ещё раньше... уж не знаю. Но много здесь народу побывало – факт. Вполне могли так натоптать.

– Но сейчас – никого, – задумчиво сказала Йола. – Либо поумирили, либо ушли, как те браконьеры.

Дик при этих словах со звериным упорством ломанулся вперёд, только затрещали кусты. Максим помедлил:

– Идём, Ёлка. До края леса ещё идти и идти.

Силы говорить остались только у Максима, он вдохновенно вещал, вызывая у сестры слабую улыбку:

– Даже если не найдём край леса, здесь можно жить! Жить, как в книжке, дикарями, построить сначала шалаши, а потом большой дом... готовить еду на костре, удить рыбу...

Прошло около трёх часов, а впрочем, всё равно. Были забыты голод и усталость. И было уже непонятно, что трещит – не то ветки снаружи, не то нити, удерживающие разум от падения во тьму.

– Что это?

Максим остановился возле зарослей. Среди блестящей, как велосипедные спицы, травы была заметна одна особенно прямая. Он схватился за антенну, на пальцах остались следы ржавчины. Мальчик взвесил в руках старый приёмник. Повернул ручку громкости, и дети затаили дыхание.

Максим нервно хихикнул, глядя на застывшую с напряжённым лицом сестру:

– А ты что ожидала? Что он заговорит?

– Да ну тебя!

Йола выхватила у брата приёмник, собралась уже зашвырнуть в кусты, но радио вдруг ожило. Там что-то тихо-тихо говорили, неразборчиво, но явственно. Голос пробирал до костей, ощущение такое, как будто ребята поймали волну с того света. Хотя «тот свет», может быть, был как раз здесь.

– Ты что-нибудь понимаешь? – напряжённо спросил брат. Йола покачала головой. Всё, что она понимала сейчас, это то, что радио заговорило именно у неё в руках.

Девочка дрожащими руками положила приёмник на дорогу. Голоса в пластмассовой коробке тут же умерли.

Наверное, они уже начали сходиться с ума. Вокруг ничего живого, но вдалеке иногда мелькали призрачные силуэты, похожие на мотыльков у фонаря. Они скользили сквозь деревья, все разные и какие-то пугающе-неестественные. Сколько ни вглядывались, дети так и не смогли понять, то ли это обитатели этого мира, то ли петляющий в лучах света туман.

Всё чаще попадались следы деятельности людей. Поляна, полная пеньков со свежей смолой, старый, прогнивший шалаш. Под ногами звякнул медный котелок, неподалёку нашлась ложка, такая тяжёлая, что могла бы сойти за лом.

Дик заметил странный солнечный зайчик довольно высоко на дереве. Слазил, вернулся с пыhtением, в руках блестел старый заляпанный компас. Девочка попросила выбросить находку – единственная стрелка неизменно указывала на неё.

«Это словно усталые сны обычного пригородного леса, – подумалось Йоле, – сны без туристов и почти без их мусора, ибо совсем без мусора себя представить уже

невозможно. Сны о былом великолепии, когда небо держалось не на столбах дыма, а на кронах деревьев».

– Там дом! – крикнул внезапно Дик.

Деревья раздвинулись, давая разлиться свету. Даже не дом, а остов блестел рыжеватыми кирпичами; некоторые раскрошились, другие оцетинились острыми, как когти хищников, сколами. По стене карабкался мох, окна и двери зияли провалами. Лучи солнца, попадая в них, замирали, испуганно глядя в темноту. Крыши не было, над стенами сплели руки деревья, ветки беззастенчиво лезли внутрь и торчали из окон.

На крыльце ребята увидели кострище, как две капли похожее на их. Рядом валялись ружья, моток верёвки и хищные зубастые капканы.

– Здесь никто не живёт, – сказал безразлично Максим, – пошли дальше...

– Нет! – резко сказал Дик.

В дверном проёме возникла тень. Свет упал косо, и Йола вскрикнула. Максим открыл рот, но не смог выдать ни звука. Появившийся человек сильно клонился на бок, словно знак вопроса. Удивительно, как он вообще мог ходить – живот разворочен, края раны чёрные и гнилые, лицо же застыло в гримасе ужаса и боли.

Максим и Йола одновременно пискнули. В памяти всплыл душный салон машины, пыльная обочина, тёплая бутылка минералки и заросший волосами безумец, грязные отпечатки на боковом стекле. То же лицо...

Под болотными сапогами хрустнуло ружьё, посыпался сор со ступеней. Руки человека потянулись к детям.

Не сговариваясь, они побежали. Захлестали по лицу ветки, из-под ног брызнула грязь. Дети ныряли то в тьму, то в свет, как будто бежали по шахматному полю; оборачиваясь, они видели смазанный светом или укрытый тенью горбатый силуэт.

Вечность спустя они остановились, чуть не повалившись друг на друга. Дик согнулся в кашле, Йола схватилась за его руку. Макс уцепился за ближнее дерево, как будто собрался при первых признаках опасности за него спрятаться, и тихонько всхлипывал.

– В-вроде убежали, – выдавил Дик сквозь кашель.

– Зачем ты его сюда притащила? – выкрикнул с истерическими нотками Максим.

– Это не я, – девочку всё ещё колотила дрожь, но она нашла силы обидеться. – Я и сама испугалась!

Дик высвободил руку. Поднял с земли ветку, взгляд не отрывался от зарослей, где зашевелились вдруг листья. Максим вздрогнул и зарыдал:

– Я хочу домой!.. Верни меня к маме, слышишь, Ёлка!

– Как, Максимчик?! Я же не супермен из этих твоих комиксов...

Разгорающийся было спор затушил Дик:

– Есть только один способ вернуться. Я же говорил.

Йола ойкнула и замолчала, большими глазами глядя на него. Максим сказал между всхлипами:

– Может, твоим ножиком?

Дик задумчиво смотрел на Йолу:

– Ножом нельзя, им же и убить можно... в смысле, кровь будет. Помнишь, мы обрыв проходили?.. Можно столкнуть. Там водопад, и быстро затянет на дно.

– Она плавать умеет...

Йола потерянно озиралась, взгляд перебегал с одного мальчика на другого. Говорили они так, будто её уже нет, даже не спрашивали – пойдёт ли она, страшно сказать, на... на это. А они всё говорили, с каждой секундой взгляды их становились всё равнодушнее, а голоса дрожали всё меньше.

Йола воскликнула со слезами в голосе:

– Вы ещё этому меня отдайте!

– А что! – воодушевлённо воскликнул Максим. И замолчал, испуганно глядя на Дика. Тот сглотнул, бледность пробила даже сквозь броню хладнокровия. Одновременно пристыженно они посмотрели на Йола. Девочка спросила:

– Что он тут делает? Да ещё в таком виде! Мы с братом видели его нормальным.

– Как же, нормальным, – буркнул Максим. – Псих!

Дик облизнул губы:

– Н-не знаю. Хотя... он ведь уже был здесь.

Максим спросил сиплым голосом:

– С теми охотниками, ведь верно?

Дик кивнул, не поднимая глаз. Йола попятилась, пока в спину не упёрся ствол. Голос зазвучал на высокой ноте:

– Вы видели его грудь? Они застрелили его, чтобы выбраться из леса. Ужасно, бедняга этого не перенёс и сошёл с ума... И вы... вы хотите сделать со мной то же самое?

– Ёлка, – Максим поднялся, отряхнул штаны от хвои и протянул сестре руку, – мы найдём другой способ вернуться. Так ведь, Дик?

Дик не ответил, стало вдруг слышно, как колотились его зубы. Секунда – и брат с сестрой увидели то, что увидел он. Сквозь деревья и кусты выходили со всех сторон фигуры – человеческие, но это облегчения не приносило. Ребята были в ужасе – они не могли быть настоящими, не могли ходить с такими ранами и уродствами...

Фигуры подступали в абсолютной тишине, под ногами не прогибалась трава, не хрустели листья.

– Посмотри на их глаза! – услышала Йола.

Глаза – единственное живое в этих тенях. Они перебегали с одного ребёнка на другого, во взгляде читались эмоции, невысказанные слова, даже скорбь. В глазах неведомо как держался разум, словно вода в разбитой чашке.

Призраки остановились, разом, как по команде, плотным кольцом вокруг детей. Впереди тот охотник. Сейчас, в компании себе подобных, он уже не казался таким впечатляющим. Глаза такие же живые, а не подёрнутые плёнкой безумия, как у того, кого они видели из машины.

– Кто вы такие? – выдавила Йола.

В ответ молчание. Сомкнутые рты и живые взгляды.

– Кто это? – тихо спросил Максим.

– Хозяева леса, – хрипло ответил Дик. – Они все умерли... за то, чтобы выбраться отсюда.

– Не просто умерли, – сказала Йола. В горле встал комок, и она сглотнула. – Посмотрите на эти раны! Их убили свои же товарищи.

– Что они от нас хотят?

– Ждут, – одними губами сказала Йола, – ждут прибавления в своих рядах.

Из ловушки было очень легко выбраться. Вонзить ножик, который валялся у ног Дика, в грудь хозяйки сна, и всё исчезнет, мальчики снова окажутся дома. Вот только Йолы с ними не будет. Будет пустота, тело без разума.

Дик и брат это понимали. Как и понимали, что другого шанса вернуться домой у них, возможно, нет. Плечи ребят сдвинулись, закрывая девочку от оживших кошмаров. Дик отшвырнул ногой нож в сторону.

Охотник шагнул к ним, качнулся и протянул ладонь.

– Ёлка... – тревожно сказал Максим.

Девочка раздвинула их, без страха шагнула навстречу охотнику, к протянутой руке. Каждый из этих призраков уже познал цену человеческой жизни, шагнул за черту, которую нельзя переступать, каждый был дверью в другой, нормальный мир. Только вот открывалась эта дверь не каждому...

– Они меня не тронут. Я же тоже вроде как хозяйка леса, – Йола повернулась к Максиму и Дику с улыбкой на губах, – хотя и несостоявшаяся. Спасибо вам за это.

Руки соприкоснулись – и мир упал, завертелся где-то внизу, утонул во тьме опущенных век, в полумраке раннего утра и затхлого запаха леса. Сквозь треск догорающего костра зевнул Дик, что-то буркнул под нос Максим. Йола знала – им сегодня снился один и тот же сон.